

Григорянские хоралы

«Крематорий» надымил в «Дикой лошади»

■ Иркутск снова попал в неплотный, но уверенный гастрольный график группы «Крематорий». На этот раз ее выступление состоялось в новом концертном зале клуба «Дикая лошадь». Сам по себе формат этой площадки подразумевает смешение различных видов публики, поскольку в нем органично соседствуют танцпол, барные стойки и ресторанные столики. Довольно часто посетители рок-конcertов (особенно это заметно на выступлениях «рок-ветеранов», поскольку возрастная планка слушателей колеблется с большой амплитудой) грешат либо на отсутствие выпивки, либо закуски, либо пространства для хореографических упражнений. Но «Дикая Лошадь» поставила всё и всех на свои места: для публики на танцполе музыканты «Крематория» был героями советского рок-н-ролла, а для публики за столиками — нормальной командой из ирландского паба. Так что в эстетическом плане ничто не мешало публике ни есть, ни танцевать.

Иркутск Григорян несколько раз назвал знакомым для «Крематория» городом. Группа еще с советских времен приезжала к нам, наверное, чаще, чем кто бы то ни было из ныне живущих героев рок-н-ролла, так что у некоторых наверняка складывается впечатление, что «Крематорий» нигуда и не уезжает. В пору, когда я только начал интересоваться рок-музыкой (но не посещал концерты по причине малолетства) одной из первых известных групп, чью афишу я увидел в родном городе, была группа «Крематорий» — еще до того, как в «Самосвал» стали наведываться одиозные «Наутилусы», «Алисы» и «Чайфы». И организация гастролей в ту пору основывалась скорее на дружеских отношениях, чем законах шоу-бизнеса (о чем Григорян довольно часто упоминает в интервью) — поэтому никого не удивило, но заметно обрадовало то, что исполнение одной из песен Григорян посвятил памяти

своих иркутских друзей — Вадима Мазитова и Сергея Терпигорьева.

Новые песни, заявленные в программе, было трудно вычленишь, так как они мало отличаются от старых. Структура песен «Крематория» осталась неизменной; она основана на законах американской авторской песни 60-х: очень короткий запоминающийся рефрен, обрамленный нагромождением не слишком понятных и не очень крепко связанных друг с другом образов, топчущихся на ограниченном пространстве нескольких куплетов. Сюжеты песен можно условно разделить на три вида: абстрактные апокалиптические зарисовки, последствия рок-н-рольного разгильдяйства и неудачные сексуальные опыты (неудачные, как правило, по причине истечения срока годности объекта поклонения).

В музыкальном смысле старые на-двух-аккордах песни «Крематория» мне кажутся свежее и искреннее,

хотя концентрация музыкальной и поэтической мысли в них, по сравнению с более поздними композициями, практически равна нулю.

В первой трети концерта прозвучало две песни Майка Науменко, влияние которого на свое творчество Григорян охотно подчеркивает. «Майк — катализатор нашей группы», — сказал Григорян, — «Если бы мы не услышали Майка в свое время, мы бы никогда не стали писать песни». В безоглядной любви к Науменко коренится и «фирменная манера» «Крематория»: это и «сырой» рок-н-ролл с интуитивными, не слишком умелыми отхождениями от блюзовых гармонических канонов, и снайперское попадание мимо ног, и неуверенное плейбойство, порой граничащее с плебейством.

Древние хиты вроде «Мусорного ветра» и «Сексуальной кошки» вызвали в памяти скорее гитарные сиделки в пионерских лагерях, чем

турные революции. Да и сами песни порой походили на пионерские страшилки и эпический цикл великих стихов про маленького мальчишка. Все эти непривычные «обратные кадры» из полусоветского детства подкреплялись и поведением «танцполой» публики: возле сцены детишки от 15 до 45 дружно и страшно скандировали «Крематорий», как если бы это был матч школьной баскетбольной команды, прыгали и плясали под музыку, лишённую ритм-секции, протягивали книжки, диски и части тела для автографов и рукопожатий... и даже ходили нестройным «паровозиком». В общем, это был вполне полноценный детский утренник в честь 90-летия Октября. Ощущение детского праздника, кстати, было задано с самого начала, поскольку вступлением к выходу музыкантов на сцену служила песня «Вместе весело шагать по просторам», — это звучало как прорыв из небыватных потусторонних средних волн «Утренней зорьки». «Крематорий» вообще часто любит напоминать о советском прошлом с почти мажореской ностальгией «борцов с режимом», внезапно лишившихся смысла существования, а заодно и молодости. Как неотъемлемый атрибут российских рок-концертов, поражало умение службы охраны найти себе занятие, даже когда ничего криминального не происходило. С вежливым остервенением они делали все возможное для того, чтобы «ничего не падало» и, в идеале, вообще не двигалось.

Григорян находится в отличной форме — как физической, так и исполнительской. В его райдере полностью отсутствует алкоголь, недавно он бросил курить; бицепсы, изогнутые над

черным корпусом двенадцатиструнки, убедительно подрагивают в такт гитарному чёсу; обтягивающие джинсы демонстрируют не истощение, но подтянутость, и голос гнусавит не менее бодро, чем двадцать лет назад. Комбинация черной шляпы и не менее черных очков Григоряна в темноте напоминали смесь НЛО и катафалка. В общем, образ, найденный Арменом много лет назад, безотказно работает и сегодня: черную шляпу Григоряна оказалась не в силах сожрать даже моль рокапоса. В этот раз охотничье-ковбойская тематика заведения внезапно придала облику фронтмена «Крематория» статус лихого наездника, а его мрачные блюзовые каштунки вдруг заискрились убийственным оптимизмом.

Отдельного упоминания заслуживает новый скрипач группы, Максим Гусельщиков. Владелец упрощенного варианта прически Пьера Ришара, он был одет в тщательно выглаженные брюки музыканта симфонического оркестра, резко гармонировавшие с потрепанной майкой пенсионера-домошника. Для еще большей трогательности сценического образа не хватало только какого-нибудь антикварного попугая. Он кстати, пригодился бы здесь: некоторые песни Гусельщиков старательно выпиливал по нотам, которые лежали в полутьме на полу. В качестве антракта, в середине концерта скрипач исполнил нечто виртуозное и неопределенно-ирландское, что придало вечеру дополнительную дозу кабацкого шарма.

Публика часто любит поразглагольствовать, как РАБОТАЛ артист на концерте. Для кого-то показателем является количество пролитого пота, для кого-то — продолжительность

концерта, для кого-то — «хождение в народ» и братание с фанатами. Григорян выполнил программу максимум по всем этим трем параметрам. С одной лишь только поправкой. Армен Сергеевич на своих концертах не «работает», а получает удовольствие. Он не пытается спеть и сыграть лучше, чем он может и хочет, что добавляет его выступлению искренности и камерности. Для него гораздо важнее то, что слушатели не забывают его песен, и что нехитрые аккорды заставляют отплясывать такую разную публику.

Слово «Акустика» в названии программы в данном случае подразумевало отсутствие бас-гитары и барабанов. «Крематорий» вообще никогда не отличался изобретательностью в плане саунда и аранжировок, а тут в пространстве зависла вакуумно-тнегущая пауза, потому что все время казалось, что вот-вот должны вступить барабаны (они на сцене присутствовали). Звук был хорош и довольно точно воспроизводил звучание альбомов «Крематория» золотого периода. У этого было две причины: хороший концертный аппарат «Дикой Лошади» и звукорежиссер группы, Сергей Овчинников, которого Григорян назвал то ли «бессменным», то ли «бессмертным» (что в контексте рокерского образа жизни означает, в общем-то, одно и то же). Несколько раз Григорян с нескрываемой гордостью сказал, что этот концерт ему напоминает квартирник — излюбленный концертный жанр советского рока. Думаю, если бы Григорян, изменив традиции, снял темные очки, разгоряченная публика увидела бы блеск ностальгических слез.

Леонид Андруайтис

